

Окаянные годы российской науки

Академик М.В.Садовский
Институт электрофизики УрО РАН,
Екатеринбург 620016, Россия
E-mail: sadovski@iep.uran.ru

Стратегия научно технологического развития Российской Федерации... определит механизмы и систему инструментов, обеспечивающих трансформацию научно – технологического потенциала в продукты и услуги... В частности, обосновывается необходимость трансформирования структуры науки, ее превращения в рыночный институт.

Концепция стратегии научно – технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период (Проект Минобрнауки), 2016

Впрочем, многое и от глупости. Толстой говорил, что девять десятых дурных человеческих поступков объясняются исключительно глупостью. — В моей молодости, — рассказывал он, — был у нас приятель, бедный человек, вдруг купивший однажды на последние гроши заводную металлическую канарейку. Мы голову сломали, ища объяснение этому нелепому поступку, пока не вспомнили, что приятель наш просто ужасно глуп.

И.А. Бунин. Окаянные дни. 1918

Российская фундаментальная наука переживает критический период своей истории. На протяжении уже многих лет она подвергается беспрецедентному давлению со стороны государственных структур, затевающих все новые и новые “реформы”, результатом которых становится ее последовательная деградация. Делается – ли это по злому умыслу или по недомыслию – вопрос второстепенный, важно то, что до “окончательного решения” вопроса о науке в России осталось уже совсем недалеко. Время политкорректности закончилось, давно уже пора назвать вещи своими именами!¹

Вообще-то говоря, тема “власть и наука” относится

к числу “вечных” и актуальных во все времена. И я не собираюсь здесь проводить какой-то общий историко – философский анализ. Надо сказать, что наиболее тесная связь государственной власти и науки была таковой в советский период. Опиравшаяся на “научную идеологию” власть официально опиралась на науку и оказывала ей не маленькое внимание, шла ли речь о первостепенных задачах, связанных с обороной страны, освоением Космоса или о более “приземленных” задачах гражданской науки и образования. Можно по разному относиться к советскому периоду истории нашей страны, но совершенно несомненно, что современная структура науки и образования сложилась именно в это время. До революции в стране было достаточно мало вузов, тем более таких, где давалось серьезное естественно-научное образование. При Академии Наук практически не было исследовательских институтов. Все это возникло в советское время, в ходе культурной революции, которая действительно произошла в стране, причем как следствие прямого воздействия государственной власти (нравится это кому-то или нет).

Поскольку дальше я буду писать практически только об Академии Наук, напомню, что вся система академических институтов стала формироваться в конце 20-х и в 30-е годы прошлого века, а окончательно сложилась уже после войны. Некоторые (в дальнейшем академические) институты появились еще раньше – знаменитый ленинградский физтех (ЛФТИ), считающийся колыбелью отечественной физики, был организован в 1918 году (когда положение дел в стране было несравнимо хуже ситуации, сложившейся в 90-е годы). Это же относится и к ряду других институтов. Несмотря на известные сложности во взаимоотношениях советской власти с Академией Наук, к 1925 году тесное взаимодействие было налажено, так что с тех пор Академия, во все последующие времена, пользовалась безусловной государственной поддержкой, официально считаясь главным научным учреждением страны. Пишу я, конечно, главным образом о фундаментальной науке. По части прикладной я не специалист, замечу только, что и тут организационная структура и государственная политика были вполне четкими. Когда возникала необходимость в решении крупных задач государственного значения (ядерное оружие, Космос, электроника и т. п.), то занималась этим уже не Академия Наук, а специально создаваемые высокотехнологические отрасли (министерства), хотя сотрудники Академии конечно-же широко при-

¹ Последующие заметки по этому поводу написаны человеком, не являющимся административным начальником или функционером руководящих структур РАН. Автор, хотя и имеет академические “регалии”, остается достаточно рядовым научным работником (заведующим небольшой лабораторией теоретической физики в ИЭФ УрО РАН). Поэтому здесь представлен взгляд “снизу” из научного сообщества, на текущий момент и возможные перспективы.

влекались и к этим работам. В части прикладной науки, помимо отраслевых министерств, ее организация и финансирование шли, в основном, через Госкомитет по Науке и Технике (ГКНТ), который существовал несколько десятилетий (после войны). На этом фоне Академия Наук имела достаточно скромное финансирование, но играла роль “мозгового центра” или “штаба советской науки”, как тогда было принято говорить. Никакого “министерства науки” не было и в помине, поскольку в части фундаментальной науки его роль полностью выполнялась Академией, а в части науки прикладной — отраслевыми министерствами и ГКНТ.

Структура Академии Наук, постепенно сложившаяся в эти годы была вполне продуманной и вполне эффективной. Академия вовсе не сводилась к собранию (или “клубу”) академиков и членов — корреспондентов. Прежде всего, она представляла собой систему из нескольких сотен исследовательских институтов, находившихся под профессиональным руководством тематических (по отраслям науки) Отделений, которые рассматривали планы и отчеты институтов, утверждали и распределяли финансирование, имея возможность перенаправлять средства на решение вновь возникающих и актуальных научных задач. Все органы Академии и ее члены во все времена *избирались* демократическим путем². Кстати сказать, избрание в члены Академии было не более чем занятием (при весьма жестком конкурсе!) высших позиций в общей научной иерархии — от младшего научного сотрудника, через последующие научные должности, и так вплоть до поста Президента АН. Естественно, что избрания в члены Академии удостаивались (и удостаиваются сейчас) люди действительно внесшие крупный вклад в науку³. А оценить научные достижения можно не сразу, да и чтобы их занять надо долго и упорно работать. Поэтому возраст членов Академии во все времена был достаточно приличный. И ничего удивительного и плохого тут нет — мудрость всегда ассоциировалась с возрастом, а не с молодостью. При всем при том, такая иерархия должностей в Академии Наук была вполне естественна, она создавала четкую перспективу и для начинающих молодых сотрудников и для солидных ученых.

Государство, естественно, не оставляло Академию Наук без внимания, иногда его вмешательство было благотворным, иногда не очень. Но в целом довольно четко соблюдался “ленинский принцип” — “не озорничать вокруг Академии!”, а управление наукой как таковой практически всегда, в основном, было в руках ученых. Конечно, роль государственной власти была

во многом определяющей. В условиях тоталитарного режима это иногда приводило ко всем известным эксцессам, но они касались, как правило, отдельных областей науки, куда власть вмешивалась без достаточного разумения. Примеры этого на удивление немногочисленны. Ну был там (еще при Ленине) пресловутый “философский пароход”, но я никогда не соглашался с расхожим мнением о том, что на его борту отбыл так сказать “цвет отечественной мысли”. Была кампания против генетики (инспирированная, кстати, из научной среды — небезызвестным Т.Д. Лысенко, которого в начале активно поддерживал и Н.И. Вавилов, оказавшийся потом жертвой этого процесса), в которую вмешивался лично Сталин (а потом и Хрущев). Пресловутая борьба с кибернетикой вообще никогда не развилась во что-то серьезное, тем более ни во что не развились попытки “лысенкоизации” физики — Берия быстро разобрался, кто может, а кто не может сделать атомную бомбу. Сталин, как и другие высшие руководители, иногда непосредственно вмешивался в дела науки, но это вмешательство иногда вело и к положительным результатам. Спросите серьезных лингвистов и они объяснят вам, что пресловутый сталинский труд по вопросам языкознания, на самом деле, спас советскую лингвистику от возникшего в ее среде “марризма”, которого вполне хватило бы, чтобы эту науку прикончить, не менее успешно, чем это получилось у Лысенко с генетикой. В общем, не все тут так просто, как это обычно описывается в современных статьях. Тот же Сталин реально увеличил *в разы* зарплату *всех* ученых после войны, отнюдь не только тех, кто занимался атомным оружием. А вот Хрущев, кстати, потом эту зарплату *снижал*, в ходе кампании по “упорядочению зарплат”, было также эффективно запрещено совместительство в вузах. Сравнительно недавно я был поражен узнав, что уже в конце 1942 или начале 1943 года было принято правительственное решение *не призывать* в армию студентов технических специальностей! Победа еще была, мягко говоря, в тумане, а государство (а в реальности, по-видимому, именно Сталин) уже задумывались об инженерном корпусе, который потребуется после войны!

Наибольшего расцвета советская наука достигла в 60-е – 80-е годы прошлого века, когда окончательно сложилась обширная сеть научных институтов АН СССР, ряда ведомств (типа средмаша), достаточно успешно развивалась наука и в вузах. Возникли региональные отделения и филиалы АН СССР, научные учреждения распространялись по всей территории страны. Именно тогда СССР уверенно стал второй (а где-то и первой!) научной державой мира. Все это хорошо известно.

Наш разговор пойдет о том, что произошло в нашей науке начиная с 1992 года. В “новой России” наука, как фундаментальная, так и прикладная, сразу же оказалась в тяжелом положении. Основных причин для этого было две: катастрофическое падение финан-

² Вполне справедливо утверждение, что академические выборы были единственными демократическими выборами в СССР.

³ Исключения тут бывали и есть, но это очень редкие исключения!

сирования, связанное с инфляционными процессами в экономике, переходящее в хроническое недофинансирование, продолжающееся и поныне, а также общая невостребованность науки в государстве и обществе, ориентированных на примитивное накопление капитала, связанное, в основном, с торговлей и эксплуатацией сырьевых ресурсов страны. В результате действия этих причин, в течение нескольких лет прикладная (отраслевая) наука была практически “убита”, а фундаментальная (сконцентрированная исторически, в основном, в Академии Наук) была обречена на многолетний период деградации, конца которому пока не видно. Дело здесь еще и в глубоком непонимании высшим руководством страны сути и смысла научной деятельности. При всех недостатках советской власти, официальная идеология тех времен сама претендовала на “научность”, так что и нормальную науку власти поддерживали. Поддержка эта, конечно, прежде всего относилась к тем областям, которые были непосредственно связаны с “оборонкой”, но и остальным обеспечивался удовлетворительный уровень финансирования. Я не говорю уже о престиже ученых в обществе, тут вообще власть на каждом шагу делала реверансы в их адрес (хотя платила, конечно, мало-мало!). Высшие руководители правительства все были выходцами из промышленной среды и роль той же прикладной науки вполне понимали (с фундаментальной тут было похуже, от нее тоже пытались требовать “внедрения” и т. п.). И вот все это разом закончилось. Новому руководству страны наука была просто неинтересна, а официальная “научная идеология” была вытеснена православием и смутными рассуждениями о “возврате к историческим корням и духовности”, к чему наука, конечно, отношения не имела. Первый ельцинский министр науки Борис Салтыков⁴ сразу же провозгласил тезис “В России науки слишком много!”, который и определил отношение властей к Академии Наук и науке вообще. Насколько я помню, сменивший Салтыкова на посту министра науки В.Е. Фортков заметил по этому поводу, что “рассуждать о том много или мало требуется науки стране, это примерно тоже самое, что задаваться вопросом — много или мало мозгов нужно человеку!”.

В мои задачи здесь не входит, конечно, детальный анализ положения дел в российской науке в целом за более, чем 20 прошедших лет. Это могло бы быть предметом для специального исследования. Моя наука — это теоретическая физика, которая в СССР почти ничем не уступала западной (США, Европа), а в

ряде областей даже ее превосходила (и тому я прямой свидетель). Так вот, теоретическая физика у нас пострадала никак не меньше, а больше других областей, и главной причиной тут стал быстрый отъезд большинства ведущих теоретиков на постоянную работу за рубеж. Собственно говоря, процесс это начался уже в 1989–1990 годах, но после 1991 года отъезд принял совершенно массовый характер — уехали почти все люди достаточно молодого возраста, а также и ряд выдающихся представителей старшего поколения. Я мог бы перечислить фамилии, но могу заверить читателя, что все они составляли, так сказать, цвет теоретической физики, так что их отъезд почти катастрофически опустил уровень этой науки в нашей стране. Кстати сказать, мне трудно в чем-либо осуждать этих людей. К моменту отъезда все они были теоретиками с именами, известными во всем мире, а наше государство их просто “кинуло”. На Западе все они заняли ведущие позиции в лучших университетах и лабораториях, примеров неудачной карьеры тут я практически не знаю.

Ну а те, кто остался, оказались в сложном, прежде всего, в финансовом смысле, положении. Живя на одну зарплату было проблематично прокормить семью, не говоря уж о чем-то другом. В 1992–1993 годах, уровень годового дохода большинства сотрудников, например, нашей лаборатории стал сравним с гонораром в пару-тройку сотен долларов, получаемым за переводы наших статей в западных версиях российских журналов. Неудивительно, что именно в эти годы нашу науку покинуло бодьшое количество ученых — кто-то уехал за границу, кто-то ушел “в бизнес”, кто-то еще куда — нибудь... Принято считать, что в этот период число людей, работающих в фундаментальной науке сократилось почти наполовину... Но именно в эти годы возникли фонды, из которых можно было получать, пусть небольшие, но очень своевременные гранты. Я имею в виду, прежде всего, Международный Научный Фонд (Сороса) и наш Российский Фонд Фундаментальных Исследований (РФФИ). Фонд Сороса оказал в тот момент наиболее существенную помощь. Те кто выиграл гранты Сороса смогли получить вполне существенную добавку к зарплате, исчислявшуюся несколькими сотнями долларов (в год), что по тем временам было совсем не мало. При этом общая структура фонда, схема подачи заявок на конкурс для получения грантов и порядок отчетности, скопированные с крупных западных фондов, задали *de facto* стандарт и для РФФИ. К сожалению, после такого вполне успешного начала работы, фонд Сороса через несколько лет полностью свернул свою деятельность в России. Не последнюю роль тут, видимо, сыграл шум, поднятый нашими горе — патриотами о том, что через поданные на конкурс заявки фонд собирает стратегическую информацию о достижениях и планах российских ученых. Но хочу еще раз подчеркнуть, что помощь, полученная российской наукой от фонда Сороса была очень существенной, а глав-

⁴ Он, кстати, сам по себе, человек достаточно грамотный, в прежней жизни занимавшийся всякой там наукометрией в Академии Наук. Я пару раз с ним общался и не могу сказать, что он был просто глуп (что характерно для некоторых нынешних деятелей, пытающихся поруководить наукой), но все дело было тут в предвзятой идеологии, которой он пытался следовать.

ное крайне своевременной. РФФИ достаточно быстро завоевал доверие и популярность среди реально работающих российских ученых. В настоящее время он остается почти единственным источником дополнительного финансирования для небольших исследовательских групп. Наиболее серьезный его недостаток — небольшой размер грантов, серьезную работу только за эти деньги не проведешь. Но как *дополнительное* финансирование к нашему, в целом весьма скудному, финансированию, эти гранты очень полезны. Общепризнано, что система рецензирования проектов в РФФИ является вполне объективной и беспристрастной. В этом нет ничего удивительного — работа фонда организовывалась учеными для ученых. Недавно организованный Российский Научный Фонд (РНФ) и его работа пока вызывают большие вопросы и сомнения. Здесь не место обсуждать связанные с этим проблемы, но сам я, как и многие другие мои коллеги, считаю, что гораздо проще и целесообразнее было бы передать соответствующее финансирование в стабильно работающий РФФИ, с целью существенного увеличения размера его грантов.

После неудачного старта министерства науки во главе с Салтыковым, следующие министры (В.Е. Фортвов и М.П. Кирпичников) пытались делать что-то реальное в помощь нашей науке. Тот же Фортвов, еще до того как стал министром, был первым (реально работавшим) председателем РФФИ. Но страна действительно была в тяжелом положении в результате распада СССР, средств не хватало даже на армию. Но наступил XXI век и положение дел явно улучшилось. Россия быстро расплатилась по основным долгам и что-то, а деньги в стране появились (пусть и за счет торговли сырьем, а не высокотехнологической продукцией). Появились и первые признаки улучшения положения дел в науке. Но соответствующие надежды быстро развеялись.

В 2004 году министром науки и образования РФ стал А.А. Фурсенко. И вот в этот момент нападки на Академию Наук вышли, так сказать, на официальный уровень. До этого они фигурировали в отдельных статьях в прессе, но теперь Академию вполне официально обвинили в неэффективности и неспособности “реформироваться”, что связывалось с ее “архаичной” (читай — советской!) структурой, престарелым руководством и вообще высоким средним возрастом сотрудников. При этом, обвинения эти формулировались даже более “тонко”, чем обычно это делалось большинством завистников Академии, как из числа работников вузов, так и некоторых сотрудников самой РАН (по большей части неудачников в науке, обвиняющих в своем неуспехе кого угодно, кроме себя!). Речь пошла не то чтобы о бесполезности Академии для “народного хозяйства” (что часто всплывало и в советские времена), но именно о падении уровня исследований в области фундаментальной науки, об отсутствии крупных достижений и, в частности, нобелевских премий (!), падении числа публикаций и их

цитируемости, о других аналогичных вещах. На все эти претензии, вообще-то говоря, был простой ответ — если лошадь не кормить, она далеко не увезет! А Академию “недокармливали” уже более 15 лет. Именно это обстоятельство позволяло мне и тогда и сейчас считать эти претензии просто наглými! На самом деле, можно было только удивляться, что сотрудники Академии продолжают (и иногда весьма успешно!) работать.

Став министром А.А. Фурсенко прославился рядом “глубоких” высказываний, касательно задач науки и образования. В частности он как-то заявил, что “высшая математика убивает креативность и не нужна школе”. По его признанию он не изучал в школе высшую математику, но при этом “не дурее других”. Недостатком (!) советской системы образования он объявил “попытку формировать человека — творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами творчества других”. Ну и как тут насчет “дурости”?

Осенью 2004 года Фурсенко выступил вполне официально с предложением значительного (фактически в разы!) сокращения численности институтов РАН (и их сотрудников), под лозунгом того, что государство должно поддерживать только достаточно “эффективные” из них, причем судить об эффективности или неэффективности должно было само министерство. Тогда же уже возникло традиционное впоследствии обвинение в том, что Академия живет за государственный счет, но задачи ставит себе сама и сама же оценивает результаты работы, что дескать не обеспечивает должной беспристрастности и порождает порочный круг самоудовлетворенности. Нужна дескать “независимая” (лучше всего международная) экспертиза. При этом как-то всегда упускалось из виду, что оценивать результаты научной работы могут — таки только ученые, а отнюдь не государственные “менеджеры” и юристы, а также и то, что система независимой экспертизы работала в Академии *всегда* — любая комиссия по проверке работы институтов (а такие проверки проводились регулярно, раз в пять лет) формировалась из *независимых* представителей других институтов. Никто никогда не возражал (кроме, разве что, представителей “компетентных” органов) и против привлечения в такие комиссии иностранных ученых, дело тут всегда упиралось только в отсутствие соответствующих финансовых средств.

Надо сказать, что Академия оказалась не вполне подготовленной к борьбе. К этому моменту, в руководстве РАН действительно сложилась довольно “застойная” ситуация. Ю.С. Осипов был Президентом РАН уже 15 лет. Ему действительно принадлежали большие заслуги в деле сохранения Академии в момент распада государства и в первые годы после этого. Но нельзя не сказать, что одной из наиболее ярких его черт как Президента было *молчание* — он практически никогда публично не высказывался о проблемах

Академии, не контактировал с представителями медиа, не выступал с критикой тех или иных решений правительства. По-видимому, все это было связано с его личным мнением о том, что все вопросы и проблемы, связанные с развитием РАН и ее перспективами лучше всего решать в кабинетных дискуссиях в самой Академии и “наверху”. Но привело это в реальности к падению авторитета Академии в обществе и у властей. Многие члены Академии были не согласны с такой политикой и высказывались по этим вопросам достаточно резко.

Тогда же произошло очередное Общее Собрание РАН, на котором обсуждалась предлагаемая реформа Академии, в том числе, так называемый “пилотный проект”, предложенный Минобрнауки. Суть этого проекта была в декларировании как-бы существенного повышения зарплаты научных работников до 30000 рублей в месяц в течение трех лет, при одновременном реальном сокращении их штатов на 21%. Величина новой средней зарплаты тогда звучала неплохо, а на сокращение (реальное!) можно было пойти, переведя часть сотрудников на временные контракты или неполные ставки. Впрочем, немедленно выяснилось, что в предложенной схеме имеется прямой обман и речь шла не о повышении должностных *окладов*⁵, а о средней зарплате с учетом всех прочих доходов от грантов, работы по контрактам, договорам и т. п. Собрание шло очень бурно, выступающие не скрывали своего отношения к политике министерства. В некоторый момент Фурсенко был освистан в буквальном смысле этого слова. Произошел скандал, Ю.С. Осипов потребовал, чтобы свистевший покинул зал. А я так думаю, что любой нормальный министр науки, освистанный в Академии Наук, должен был бы просто уйти в отставку. Куда там, Фурсенко и поныне является главным советником по науке при Президенте России. В итоге, Общее Собрание приняло совершенно беззубую резолюцию на тему “усилить и укрепить”, из которой были опущены все конструктивные и резкие выступления в дискуссии.

В 2007 году Академии пришлось принимать новый Устав — для очередного согласования с постоянно меняющимся российским законодательством. В связи с этим, у наиболее ехидной части нашего сообщества всегда возникал вопрос: ежели в документах типа “Гражданского кодекса” нет места для организации типа РАН, существующей уже почти 300 лет, то видимо разумнее поправить именно этот кодекс, а никак не Устав РАН. Но такая мысль, конечно же, слишком сложна и необычна для депутатов нашей Госдумы! В связи с проблемой нового Устава, крупные специалисты из Высшей Школы Экономики (ВШЭ — единственной организации, чей авторитет в области

экономики в глазах нашего правительства совершенно непререкаем!) тут же подкинули проект так называемого “модельного Устава РАН”, так что РАН получила прямой “намеки”, какой Устав удовлетворит правительство. В этом “модельном Уставе” предлагалось организовать при РАН некий “Наблюдательный Совет”, в котором только треть членов имела бы отношение к РАН (т.е. к науке), а остальных предлагалось *назначать* правительственным решением из числа представителей бизнеса и правительственных чиновников, без всяких там выборов! При этом Наблюдательному Совету предлагалось предоставить широчайшие полномочия по контролю и руководству деятельностью РАН. Естественно, что РАН не могла согласиться с таким Уставом, так что Общее Собрание приняло свой, более или менее нормальный Устав, который должен был быть утвержден Председателем правительства, подобно тому, как избранный Президент РАН должен был теперь утверждаться Президентом России. В конце концов принятый нами Устав был утвержден, но как говорится, “звоночек” прозвенел!

В 2012 году министром науки и образования стал Д.В. Ливанов — фигура довольно одиозная. Собственно говоря, о нем я немного знал задолго до этого. В свое время, рецензируя в РФФИ проекты хорошо мне известного Андрея Варламова из МИСИСа, я заметил, что в его группе появился человек по фамилии Ливанов, который довольно быстро стал доктором наук. В тоже время, работ я его не знал, их тематика не была мне особенно интересна. В 2003 году он пытался избираться в членкоры (по так называемому “молодежному” списку), но при голосовании на нашем Отделении физических наук получил всего несколько голосов (для избрания в членкоры обычно требуется голосов 60–70!), что совершенно не удивительно, поскольку никто из голосующих не знал ни его самого, ни каких-либо его “выдающихся” достижений в теории сверхпроводимости. Но вскорости он попал в аппарат миннауки, где позиционировал себя сразу как злейший враг РАН. Будучи, по происхождению, вузовским человеком, он, по-видимому, никогда не любил Академию, а тут его еще “обидели” на выборах. Поэтому он сразу стал выступать вместе с теми людьми, которые отстаивают наивную точку зрения о том, что современная наука может эффективно развиваться только в университетах, как это, якобы, имеет место “везде в цивилизованном мире”. Не буду, кстати, обсуждать эту проблему здесь, ограничившись тривиальным замечанием, что это далеко не так, даже в США, не говоря уж о массе других стран! При этом, Ливанов довольно нагло заявлял на каждом углу, что сам он является учеником нобелевского лауреата А.А. Абрикосова, что было довольно смешно — Абрикосов уехал окончательно из России в США в 1991 году, когда Ливанов только-только закончил МИСИС в 1990 году! Так что, на самом деле, это довольно типичный случай теоретика — неудачника, который достаточно быстро понял, что особых успехов в науке

⁵ Даже сейчас оклад директора (!) академического института не достигает 30000 рублей.

ему не видать и решил этой самой наукой “поруководить”⁶. Его взлет в министерстве связан, естественно, с причинами ненаучного характера, о которых я не могу судить. Тем не менее, он оказался там, где он есть и продолжает до сих пор пребывать на министерском посту, оставаясь, при этом, одним из самых непопулярных министров в России.

А в стране продолжалась “новая научная политика”. Огромные государственные средства бросались на всякого рода сомнительные проекты (приобретение заводных канареек), от создания госкорпорации “Роснано” (которая вот уж сколько лет не производит практически никакой высокотехнологической продукции) и малопонятного инновационного центра “Сколково”, до объединения разнородных вузов в “федеральные” университеты. Последний пример особенно характерен — в эти университеты были “спущены” весьма крупные деньги на покупку современного оборудования, на котором там просто некому работать, а положение профессорско – преподавательского состава не только не улучшилось, а зачастую ухудшилось. И цель перед ними была поставлена не столько поднимать уровень преподавания и научной работы, сколько войти во всякие (достаточно сомнительные) международные рейтинги университетов. Впрочем, ни один из этих университетов пока тут особо не преуспел, несмотря на многочисленные случаи, когда отчет идет работами сотрудников РАН, работающих в них по совместительству. Механизм тут очень простой — руководство университетов в жесткой форме требует от преподавателей – совместителей из институтов РАН в обязательном порядке указывать в своих статьях аффилиацию с соответствующим университетом, а потом включает эти работы в итоговые отчеты университета, приписывая себе чужие работы, сделанные в других организациях, по отдельному госзаданию, за отдельное государственное финансирование. Особенно омерзительно, что совместителям, соглашающимся на такие требования, практически во всех таких университетах выплачиваются достаточно крупные премии (из денег, отпущенных государством на развитие научных исследований в этих университетах). Таким образом идет прямая “перекупка” чужих работ, не имеющих никакого отношения к исследованиям, ведущимся в университетах. Не очень удивительно, что многие сотрудники РАН поддаются на соответствующие уговоры, удивительно то, что деятельность эта до сих пор не вызвала интереса многочисленных государственных структур, занимающихся разного рода проверками, той же Счетной палаты, а может и Прокуратуры. Впрочем, чему тут удивляться, если вспомнить, что глава этой самой Счетной палаты была недавно уличена сообществом “Дис-

сернет” в обширном плагиате в обеих своих диссертациях. Факт этот пока не заслужил ни одного комментария во властных структурах...

Вся эта деятельность властей сопровождалась беспрерывной трескотней о многократном росте финансирования науки и неэффективности РАН. При этом как-то не упоминалось, что финансирование РАН, по-прежнему, если и росло, то только в меру следования за инфляцией. В тоже время около двух третей реальной науки делалось именно в институтах РАН⁷. При этом, никогда не упоминалось, что общий объем финансирования РАН (нескольких сотен институтов) все эти годы примерно соответствовал финансированию *одного* среднего американского университета. Кстати сказать, мало кто знает, реальную структуру этого бюджета — вот уже много лет более 85% в нем относится к статье “заработная плата” (и налоги на нее), а на проведение собственно научных исследований остается менее 15%! Интересно, как вообще можно в таких условиях вести научную работу? Ведь для нее нужно закупать оборудование, приборы и материалы, создавать новые установки, ездить в командировки, вести текущий ремонт и много еще чего надо... Даже для теоретиков, к каковым относится автор, такая структура бюджета является достаточно нелепой (нам тоже надо покупать компьютеры, оргтехнику и канцтовары, ездить в командировки на конференции). Конечно, люди находят выход из положения, выигрывая разного рода гранты, ведя заказные работы и т. п. Но говорить при этом о непрерывном росте финансирования фундаментальной науки, как минимум, неприлично. Тем не менее говорится и в достаточно агрессивной форме!

В 2013 году пришло время в очередной раз выбирать Президента РАН. Борьба была довольно жесткой. Программа реформ РАН, предложенная В.Е. Фортовым выглядела вполне продуманной, а ее реализация, несомненно, могла бы поднять роль РАН в нашем обществе. В итоге, на Общем Собрании РАН в мае 2013 года Фортов победил с весьма убедительным большинством голосов. Казалось, что перед РАН открываются новые перспективы. Некоторым диссонансом прозвучала “прощальная” речь Ю.С. Осипова, который, в довольно необычном для себя стиле, говорил об угрозах, нависших над Академией, об опасности грядущей “культурной революции” в РАН. Я, конечно, обратил внимание на эти слова, но задумался, в основном, на тему о том, почему же он так не выступал будучи Президентом РАН? Как сейчас многим кажется, он в этот момент уже все знал про то, что нас ждет в ближайшем будущем...

Развязка наступила примерно через месяц — 27

⁶ Мне иногда кажется, что в итоге он науку просто возненавидел!

⁷ Это, кстати, подтвердили и недавние конкурсы грантов РФФ — около 60% грантов стабильно получают сотрудники институтов РАН!

июня, на заседании правительства, премьер Д.А. Медведев совершенно неожиданно объявил о внесении в Думу проекта закона о “новой РАН”. Никто в РАН, включая избранного президентом В.Е. Фортова, ничего об этой правительственной инициативе не знал, вопрос ни с кем (?) из научного сообщества не обсуждался. Наш замечательный премьер в своем выступлении пообещал “избавить ученых” от “несвойственных” им забот о хозяйственной и другой административной и финансовой деятельности, которая им, якобы, сильно мешает в работе. На самом деле, в проекте закона не было ни слова о каком-либо стимулировании и повышении эффективности научной работы, а речь шла о немедленном и полном разрушении РАН! Предлагалось существующую РАН просто *ликвидировать*, со всеми полагающимися атрибутами этого процесса, типа создания ликвидационной комиссии. А на ее развалинах предлагалось создать “новую РАН”, состоящую из всех членов “старой”, а также из членов ликвидируемых заодно сельскохозяйственной и медицинской Академий. При этом всех членов “новой РАН” предлагалось считать “академиками”⁸. Необходимым требованием к членам “новой РАН” была прописана подача *заявления* о вступлении в эту организацию! Все институты РАН передавались, согласно этому проекту, в ведение некоторого Федерального Агентства, права и обязанности которого были прописаны крайне туманно, так что “новая РАН” автоматически превращалась в “клуб ученых”, о чем всегда мечтали правительственные реформаторы. В этом-то и был основной смысл совершаемых преобразований, а вовсе не в заботе об эффективности российской науки!

Надо сказать, что академическая общественность, причем отнюдь не только члены РАН, а и широкие массы сотрудников академических институтов, отреагировали мгновенно. Подавляющее большинство сотрудников РАН ее осудило, причем в достаточно резкой форме. В считанные дни возникло очень широкое общественное движение против закона о “новой РАН”. Ряд очень известных членов Академии обратились к Президенту РФ В.В. Путину, Председателю правительства Д.А. Медведеву, Председателю Совета Федерации В.И. Матвиенко и Председателю Государственной Думы С.Е. Нарышкину с заявлением следующего содержания:

“Выражая категорическое неприятие проекта Федерального закона “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” 305828-6, направленного в Государственную Думу, заявляем об отказе вступить в “новую РАН”, если закон будет принят, так как не счи-

таем её законной и достойной правопреемницей и заменной существующей Российской Академии Наук, основанной Петром I”.

Инициаторами этого заявления были В.А. Рубаков, В.Е. Захаров и А.В. Кряжковский, всего его подписало больше ведущих 70 членов Академии. Перечислю только академиков (в порядке подписания): В.Е. Захаров, А.В. Кряжковский, В.А. Рубаков, Д.В. Широков, Ю.Л. Ершов, В.М. Котляков, Н.С. Диканский, В.А. Васильев, Л.В. Келдыш, С.М. Стишов, А.А. Старобинский, В.Л. Янин, А.А. Абрикосов, В.Б. Бетелин, Р.И. Нигматулин, В.В. Дмитриев, М.В. Садовский, М.А. Грачёв, А.П. Кулешов, В.Б. Тимофеев, В.А. Дыбо, Г.М. Элиашберг, А.В. Чаплик, С.С. Герштейн, Рольд З. Сагдеев, А.В. Гапонов-Грехов, Н.С. Кардашев, Ю.Н. Парийский, Р.А. Сурис, Л.Б. Окунь. Не скрою, что считал и считаю для себя честью оказаться в такой компании! Подписывали мы это письмо не сговариваясь, в течение пары-тройки дней. Так возник “Клуб 1 июля” (по дате обнародования этого письма), ставший одним из центров борьбы с правительственной реформой РАН.

Однако, все это оказало незначительное воздействие на процесс прохождения закона через Думу. Уже 3 июля закон был принят в первом чтении, а 5 июля — во втором. Для обсуждения и решения вопроса о разрушении РАН, организации с почти трехсотлетней историей, Думе, таким образом, потребовалось всего три дня! А вот обсуждение вопроса о переводе часовых стрелок с “летнего” на “зимнее” пло около двух лет. Впрочем, чему тут удивляться — десятки депутатов нашей Госдумы “засветились” в качестве персонажей того же “Диссернета”, понятно какво их отношение к настоящей науке... Из основных парламентских партий только КППРФ последовательно и до конца выступала против принятия этого разрушительного закона. Только последующие активные действия В.Е. Фортова (его встречи и переговоры с В.В. Путиным), а также широкое движение протеста ученых [1] позволили в начале сентября вернуть закон во второе чтение в Думе. Немалую роль здесь сыграла уникальная Конференция научных работников, проведенная, в том числе по инициативе “Клуба 1 июля” в конце августа. В ней приняло участие более 2000 сотрудников институтов РАН со всей страны, отнюдь не только члены РАН. Практически все выступающие осуждали правительственный законопроект, были приняты резкие резолюции, осуждающие планируемую реформу. Последовавшее за этим внеочередное Общее Собрание РАН также потребовало существенной коррекции закона. В результате, кое-какие поправки удалось продвинуть — например в новой редакции закона речь уже не шла о ликвидации РАН, а о присоединении к ней Академий медицинских и сельскохозяйственных наук, была оставлена двухступенчатая структура Академии (академики и членкоры), был принят еще целый ряд чисто редакционных поправок.

“Еще некоторое время смертельно раненая Акаде-

⁸ Таким образом, вместо примерно 400-500 академиков РАН возникло-бы сразу около 2000 “новых академиков”! Вопрос об их научном уровне даже не возникал.

мия ждала решения Президента России. Однако В.В. Путин произвел “контрольный выстрел” и подписал “Закон о РАН” [2].

Итак, что же возникло в итоге? Институты были изъяты из ведения РАН и переданы (со всеми вспомогательными учреждениями) во вновь организуемое Федеральное Агентство Научных Организаций (ФАНО), которое получило права учредителя институтов и распорядителя всех финансов, движимого и недвижимого имущества институтов. Именно ФАНО теперь утверждает планы и отчеты институтов, определяет степень эффективности их работы, фактически назначает директоров. Роль РАН сведена к чисто рекомендательной (в редких случаях согласующей), так что в этом смысле она таки превращена в “клуб ученых” без реальных прав. Попытки Фортова провести концепцию “двух ключей” (РАН+ФАНО) в управлении наукой пока ни к чему толковому не привели.

В итоге существовавшая система управления фундаментальной наукой в стране оказалась полностью разрушенной. При этом удар был нанесен по всей науке сразу, куда там Лысенко, которому удалось разрушить (хотя и не до конца!) только генетику. Во главе новой управленческой структуры (ФАНО) встали люди не имеющие ни малейшего представления о том как работает наука, просто по причине отсутствия какого – либо научного образования. За единичными исключениями, все это пресловутые “управленцы”, являющиеся продуктами перепроизводства юристов и экономистов, которых российские вузы наплодили за последние десятилетия в невероятном количестве. Их взлет связан с нелепой идеологией уже давно проникшей в государственные “верхи”, о том, что управлять (не важно чем – наукой, образованием, культурой, заводами и государственными корпорациями и вообще всей экономикой страны) должны эти “специально обученные” люди, а дело профессиональных специалистов во всех этих областях – выполнять соответствующие “задания”, оказывать “услуги”, ну и отчитываться, конечно, непрерывно доказывая свою эффективность тем же самым “управленцам”, которые в реальных то делах практически ничего не смыслят. Они действительно считают, что науку нужно превратить в “рыночный институт”, а мы (те, кто наукой реально занимается) все должны оказывать соответствующие рыночные “услуги”. Ну конечно самое мягкое, что тут можно сказать – не дождетесь!

Наука (ну и многое другое – оборона страны например, система образования, медицина, спорт и т. п.) никогда и нигде не была чисто “рыночным” институтом. В фундаментальной науке большинство из нас работает вовсе не потому, что нам кто-то что-то “заказал”, тем более не потому, что мы оказываем кому-то какие-то “рыночные услуги”. Хотя коммерческий интерес в науке тоже присутствует. Как уже давно сказано – “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать!”. Наш выдающийся физик, академик Л.А. Арцимович говорил в свое время, что наука “есть способ удовле-

творить свое любопытство за счет государства” и это была вовсе не шутка. Он же при этом говорил, что “если государство хочет мирового уровня, оно должно ее (науку) согреть в своих теплых руках...”. Куда уж там нынешним руководителям страны до понимания этих, простых, в общем – то мыслей. Иногда говорится, что современное государство должно поддерживать фундаментальную науку, исходя примерно их тех – же принципов, согласно которым оно поддерживает олимпийскую сборную страны – это престиж государства, ну и общее повышение интеллектуального уровня страны, накопление новых знаний о природе и обществе, которые иногда (!) приводят и к технологическим и коммерческим успехам. Но последнее для фундаментальной науки является второстепенным, она развивается по своим внутренним законам, плохо поддается прямому планированию и почти не прислушивается к указаниям руководства любого уровня. Все это есть совсем простые факты...

И вот, по прошествии уже двух лет с момента начала “реформы РАН” подписаны довольно невразумительные “регламенты” по взаимодействию РАН и ФАНО, но реальное управление институтами сосредоточено именно в ФАНО. Вполне естественно, что нелепая “двухголовая” система управления не работает. Две головы может быть хороши в геральдике, но в реальности такие структуры не работают (и не живут!). Никто из людей, реально занимающихся наукой, не возражал бы, чтобы всеми хозяйственными делами, собственностью, регистрацией земельных участков и т. п., занимались бы специально назначенные люди. Только вот научной деятельностью не они должны руководить! Не они должны утверждать планы этой работы, утверждать отчеты, назначать директоров институтов и проверять эффективность научной работы. Собственно говоря, в прежние времена именно так все и было – при АН СССР было мощное Управление делами, которое всем хозяйством и занималось, вполне независимо от Президиума АН, но, естественно, под его контролем. В связи с этим, в последнее время все громче звучат голоса о необходимости преобразования ФАНО в ФАНО РАН, как прямой аналог управления делами АН СССР, подконтрольное Президиуму РАН, как органу ответственному за проведение фундаментальных научных исследований. Все это звучало не раз на последнем Общем Собрании РАН (в марте 2016 года). Заехавший на это Собрание премьер Д.А. Медведев даже провозгласил в своем выступлении тезис: “ФАНО для РАН, а не РАН для ФАНО!”. Если бы...

Впрочем, в практическом смысле, основным результатом “реформы”, до недавнего времени было только фактическое удвоение или даже утроение объема бумаг с разного рода формальными показателями, которые институты (директора и ученые секретари) должны подавать “наверх”, что было просто яркой иллюстрацией правительственной идеи об “избавлении ученых от несвойственных им обязанностей”. В

этом смысле наивные оптимисты могли сказать, что “реформа” вовсе не коснулась рядовых научных сотрудников, как это и обещал в свое время министр Ливанов. Просто произошли изменения где-то в “верхах” научной иерархии, одни начальники перестали быть начальниками, другие ими стали. Ну и что?

А вот то... Именно сейчас и начался новый этап “реформы”, который уже прямо коснется всех и вся. На уровне правительства и от имени ФАНО выдвинуты и реализуются совершенно несусветные проекты укрупнения институтов путем их интеграции на “междисциплинарной” основе. Дано высочайшее распоряжение провести эту “реструктуризацию” в сжатые сроки. Собственно говоря, реструктуризация есть естественный процесс преобразования научных организаций, который шел всегда. Одни институты открывались, другие иногда и закрывались. Естественным процессом всегда было *разделение* институтов, в связи с возникновением новых научных направлений, появлением новых задач. Это процесс естественный, так растет, например, дерево — вырастают новые ветви, старые отсыхают или отрубаются. Но как-то почти никогда не идет такой процесс в обратном направлении, ну не сростаются они обратно и все! Также и оглядываясь на историю науки можно привести довольно много примеров, когда естественное развитие, связанное с разделением и возникновением новых институтов, приводило к вполне положительным результатам. Положительных примеров обратного процесса, как-то не вспоминается. А вот отрицательный опыт многочисленных объединений университетов уже налицо — в них стоит всеобщий стон профессорско – преподавательского состава в связи с небывалым ростом бюрократизма, смещением акцентов от, казалось бы, основной задачи — преподавания и обучения, к борьбе за рейтинги, прежде всего в научных исследованиях, которые традиционно все-таки не были главной задачей Высшей школы. К чему это ведет я уже писал выше...

Сейчас в системе институтов РАН – ФАНО речь идет вовсе не о естественном процессе преобразований — в “добровольно – обязательном” порядке предлагается массовое объединение совершенно разнородных институтов в некие Федеральные исследовательские центры (ФИЦ), нынешнюю самостоятельность возможно сохранят только вновь создаваемые Национальные исследовательские институты, под которыми понимаются “уникальные” организации, “мирового” уровня. Остальных ждет незавидная судьба превращения в региональные организации, которые должны, соответственно, финансироваться из региональных бюджетов. Тут скрестилось несколько тенденций и желаний, давно муssiрующихся в правительственных кругах. ФАНО явно заинтересовано в сокращении числа юридических лиц (сейчас ему ведомственно более 1000 организаций!), правительство (точнее его финансовый блок) заинтересовано в общем сокращении числа бюджетополучателей, ну а кое-кто заинтересован в дальнейшем сокращении

остатков влияния РАН на процесс управления наукой.

Здесь, в нашей истории, наконец-то, возникает довольно зловещая фигура новоявленного “Трофима Денисовича” – М.В. Ковальчука. Карьера этого человека достаточно хорошо известна и показательна. М.В. Ковальчук — средней руки доктор наук, специалист в области рентгеноструктурного анализа (где он разработал некоторые новые подходы), и даже избранный в свое время за это в члены – корреспонденты РАН по нашему Отделению физических наук, в последние 10-15 лет начал делать стремительную карьеру по административной линии. Все его руководящие должности трудно перечислить, упомяну только, что сейчас он является Президентом Курчатовского института (где он был около 10 лет директором, одновременно будучи и директором Института кристаллографии РАН). Кроме того он, тоже более 10 лет, является секретарем Совета по науке при Президенте РФ, и прочая и прочая... Сделавшись “большим начальником” Ковальчук четко обозначил свои дальнейшие устремления – возглавить всю российскую науку! В частности, он явно стремился занять пост Президента РАН. Беда только в том, что члены Академии как-то не слишком высоко оценили его научный уровень — его дважды “прокатывали” на выборах в академики, а потом даже не переизбрали в должности директора Института кристаллографии. Выборы в РАН по-прежнему происходят вполне демократические и намеки “сверху” далеко не всегда помогают. В итоге, оскорбленный Ковальчук провозгласил, что “РАН должна погибнуть как погибла Римская империя”, ну и взялся за дело.

Пользуясь своими связями в высших кругах государственной власти, именно он, сейчас в этом есть полная уверенность, стал наряду с Фурсенко и Ливановым, основным идеологом “реформы” РАН. Именно он, на протяжении последних 10 или более лет, был инициатором большинства сомнительных проектов, затеваемых правительством в области высоких технологий. Сначала это были нанотехнологии, об “успехах” в развитии которых я уже вскользь упоминал. Потом это была активная деятельность по включению в состав Курчатовского института нескольких ведущих институтов (в том числе из числа институтов РАН), занимающихся проблемами ядерной физики и физики высоких энергий. В их числе знаменитый Институт теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ) (один из головных институтов советского атомного проекта), Петербургский институт ядерной физики (ПИЯФ) и Институт физики высоких энергий (ИФВЭ) в Серпухове. Особенно печальной оказалась судьба ИТЭФ — в условиях “нового порядка” из него ушел ряд всемирно известных физиков, а в целом институт уже несколько лет находится в глубоком кризисе. В ПИЯФ тоже стало не скучно — недавно директором там назначен специалист по пожарному делу, а в отношении запуска крупнейшего исследовательского реактора ПИК (вокруг которого собственно и со-

здавался институт) остается справедливой известная “теорема Петрова”⁹: в каждый заданный год до пуска реактора ПИК остается еще пять лет! Теорема эта работает уже столько же примерно лет, как и знаменитый закон Мура в микроэлектронике.

Но активность Ковальчука не убывает — теперь он перешел к активной пропаганде НБИК технологий и междисциплинарных исследований. Что это такое? Цитирую Ковальчука: “Что же включают в себя НБИК-технологии? Нанотехнологии — это методология создания «под заказ» материала любого типа, для любого применения. Присоединяя биотехнологии, мы «подключаем» биоорганический материал и конструкции и в результате получаем гибридный материал и системы. Из них с помощью информационных технологий мы делаем интеллектуальную систему. И последняя составляющая — это когнитивные науки, изучающие процессы и механизмы сознания, познания. В будущем именно присоединение когнитивных технологий даст возможность вводить алгоритмы, которые фактически и будут «одушевлять» создаваемый нами прибор, системы”. Хорошо сказано! Правда недавно выяснилось, что вся эта НБИК идеология целиком списана с некоторого американского проекта примерно этак пятнадцатилетней давности, в США так и не принятому к исполнению. Ну а про важность междисциплинарных исследований “на стыке наук” давно знают даже маленькие дети. Во всяком случае, я про это знал еще более 50 лет назад будучи школьником старших классов.

Вообще наш новый “Трофим Денисович” чрезвычайно (и складно!) говорлив, в чем каждый может убедиться послушав его речи на центральном телевидении, где ему, видимо, не дают покоя лавры С.П. Капицы. Помимо НБИК технологий и междисциплинарности он, в последнее время, проповедует и всякие другие разности — от успехов в изучении генома “русского человека”, до опасностей клеточной войны против России с помощью искусственных клеток, а также о том как США с целью колонизации мира влияют на научно-технические цели во всем мире, в том числе, создавая новый подвид «служебного человека». Последние откровения прозвучали в его недавнем выступлении в Совете Федерации, где наши сенаторы благоговейно внимали всей этой “лабуде”.

Что ж, такие персонажи в нашей науке бывали и раньше, ну и масштаб у них бывал самый разный. В мои молодые годы, уважаемые старшие товарищи обычно говорили мне про таких: “Ну он типичный арап!”¹⁰. Но вот в данном случае, этого арапа слушают на самом “верху” государственной власти и его

идеи реализуются на практике.

В частности, вся нынешняя кампания по “реструктуризации” строится вокруг разглагольствований о междисциплинарности, “синергетическом” эффекте от объединения усилий разных институтов, новых “прорывных” направлениях исследований и прочих столь же “глубоких” истинах. Как сказал недавно Президент В.В. Путин отвечая на вопрос о том, оправдались ли его надежды, связанные с реформой РАН: “Скорее да, чем нет, скорее оправдались... Мы говорили об оптимизации работы научных учреждений, о том, чтобы они сосредоточили свою работу на прорывных направлениях. А при объединении крупных научных центров, еще доставшихся нам из советского времени, мы можем получить и получаем очень хорошие, эффективные, молодые и перспективные научные творческие коллективы, работающие на прорывных направлениях современной науки, работающие на перспективу. Полагаю, что мы действуем весьма аккуратно... Но, тем не менее, мы идем по пути реформирования, хотя бы в том смысле, что объединением некоторые достаточно крупные и перспективные исследовательские центры. Так что движение есть, и оно положительное”.

К сожалению, дело обстоит не совсем так, как докладывают (?) Президенту. Новая “реформа” начата с периферии, где “реструктуризацию” легче произвести путем прямых угроз, выкручивания рук руководителям институтов и научным коллективам. Объединяются вовсе не только мелкие организации (которые действительно, во многих случаях полезно объединить) но, зачастую крупные институты, лидеры своих направлений, причем не обращается никакого внимания на различие тематики исследований, даже на различие соответствующих наук! Вот уже принято решение об объединении вообще *всех* научных институтов РАН в Красноярске и Перми, упорно “продавливаются” такой же проект в Дагестане. В Иркутске пока коса нашла на камень, там коллективы институтов упорно сопротивляются бездумному объединению. Ну кто бы мог сказать, какой смысл объединять в единый исследовательский центр физиков, химиков, историков, археологов, металлургов и геологов с горняками, биологами и иммунологами? Но ведь именно это и пытаются сделать деятели из ФАНО, выполняющие указания “сверху”! Всем понятно, что все происходящее иначе как бредом назвать нельзя, но процесс идет, сроки выполнения определены. Рационального тут ничего нет — никто никогда не мешал развивать междисциплинарные исследования и межинститутские связи. Не надо для этого всем объединяться в одно юридическое лицо, с одной бухгалтерией и дирекцией. Ни к чему хорошему это не приведет, а только к нарастанию бюрократизма и ослаблению управляемости такого объединения в целом, помноженному на бурный рост внутренних склоков на тему “кто кого съел и кто теперь главный”! Весь опыт последних 25 лет, когда наука существовала в новых экономических

⁹ Ю.В. Петров — к сожалению уже покойный автор проекта реактора ПИК, строительство которого началось еще в 1975 году!

¹⁰ Смысл этого подзабытого слова легко найти почти в любых толковых словарях русского языка.

условиях, однозначно показал, что наиболее стабильно и успешно работают именно институты не слишком больших размеров (с численностью работников не более 300-400 человек, при числе научных сотрудников 100-200 человек). Наоборот, оставшиеся с советских времен громадные институты с численностью работающих свыше 800-1000 человек, как правило, находятся в достаточно трудном экономическом положении. Не знает этого только тот, кто крайне слабо представляет себе ситуацию в российской науке.

Уже имеющийся опыт создания крупных объединений типа Курчатовского института и Федеральных университетов только подтверждает сказанное. Тем не менее, преобразования развертываются по “прописям” М.В. Ковальчука и его сподвижников. Одна из очевидных целей этого процесса — полностью убрать новые крупные объединения из под контроля РАН, по возможности даже убрать эти три буквы из их названий, превратить их в типичные организации “ведомственной” науки, типа того же Курчатовского института. Дело в том, что по еще сохранившейся традиции, все институты РАН – ФАНО “приписаны”, в плане научно – методического руководства, к тематическим Отделениям РАН, которые участвуют в обсуждении их планов работы и отчетов. Это постоянно вызывает раздражение ФАНО, а объединение разнородных организаций в одну, упрощает все дело – тематические Отделения РАН могут только пытаться как-то воздействовать на “бывшие” их институты, входящие в суперобъединение, но вряд – ли смогут влиять на его работу в целом. Так что цели “реструктуризации” со стороны “управленцев” вполне понятны и прозрачны. Конечно, ничего бы у них из этого не вышло, если бы руководство и коллективы институтов РАН не поддавались бы этому, вполне беспардонному, давлению. Кое где так и происходит, но во многих местах руководство институтов занимает либо “коллорабационистские” позиции, либо вообще с энтузиазмом “бежит впереди паровоза”, в надежде ухватить какие-то преференции в качестве благодарности за беспрекословное выполнение указаний начальства. Зря, кстати, надеются — ничего им не зачтется!

Вот такова ситуация текущего момента в российской фундаментальной науке. Ясно, что в таких условиях вряд - ли можно надеяться на ее крупные успехи в ближайшем будущем. Сотрудники институтов живут в нервной обстановке, не представляя себе, что с ними случится в ближайшем будущем. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы представить себе, что последует за “реструктуризацией”. Правильно — то самое “сокращение”, о необходимости которого не говорили только самые ленивые (скрытные?) из числа наших выдающихся “реформаторов” науки. Судьба институтов, которые устоят против продавливаемых “сверху” реформ тем более неясна. В целом, очень похоже, что в ближайшие годы российскую науку ждет дальнейшая деградация и маргинализация, скатывание на уровень стран третьего мира с исключительно

сырьевой экономикой. Оптимистический сценарий пока что вообще не просматривается, а ждать осталось уже совсем недолго...

Сухие цифры статистики [3] свидетельствуют — за последние (относительно благополучные!) 15 лет (2000 – 2014) число исследователей, выполняющих фундаментальные исследования в области естественных наук сократилось примерно на 10 тыс. человек, а в области технических наук на 20 тыс. человек! Глядя на этот процесс, так сказать изнутри, могу только отметить, что из нашей науки ушли отнюдь не худшие люди. И это после почти катастрофического сокращения исследователей в 90-х годах! Правда, число исследователей в области общественных и гуманитарных наук за этот же период увеличилось почти на 25 тыс. человек! Ну и есть после этого вопросы насчет потери Россией хоть каких-то признаков лидерства в современных высоких технологиях? И можно ли не усмотреть в этом полного краха всех бездумных “реформ”, якобы направленных на перевод России на путь инновационного развития? К чему это ведет видно, как говорится, невооруженным глазом — уровень участия наших ученых в международных конференциях постоянно снижается, падает число приглашенных докладов, а некоторое общее уменьшение числа молодых ученых, отъезжающих на работу за границу, свидетельствует только о падении “спроса” на наших молодых специалистов, ввиду постоянно снижающегося уровня их подготовки... И кажется, что очевидный конец уже не за горами — наука в России конечно останется, но это будет наука (мягко говоря) второго сорта, совершенно незаметная в мировом научном сообществе.

Возникает традиционный российский вопрос: кто виноват и что делать?

Ответ на вторую половину этого вопроса достаточно сложен, но кое что все-таки можно сказать без всяких сомнений. Пора понять, что 25 лет бездумного “реформирования” российской науки привели ее на грань полного краха. Сужно немедленно прекратить эту деятельность и оставить науку и ученых в покое, предоставив им возможность *спокойно* работать, ну и конечно же просто *не мешать*! Научное творчество должно быть *свободным*, в том числе и от разного рода целеуказаний от людей ничего в науке не смыслящих. Только ученые могут определить, что в науке актуально, а что нет, чем надо заниматься, а чем нет, и как нужно организовать научную работу. С другой стороны ясно, что какое то “положительное” развитие тут может произойти только в тех самых “теплых руках государства”, но без его бездумного вмешательства в научные исследования¹¹. Но для этого эти “теплые руки” должны еще появиться. Тогда, не сразу ко-

¹¹ Все это относится только к фундаментальной науке. Наука прикладная развивается совсем по другим законам.

нечно (ввиду того ущерба который нанесен нашей науке за последние 25 лет), но постепенно можно будет рассчитывать на возрождение фундаментальной науки в России и ее возвращение в число лидеров науки мировой.

А вот кто виноват в нынешнем положении дел, ясно из всего изложенного выше. Все имена названы и повторять их нет смысла. История российской науки их не забудет!

-
- [1] Российская Академия Наук. Хроника протеста. “Русский репортер”, М, 2013
[2] В.С. Губарев. Убийство РАН. “Алгоритм”, М, 2014
[3] Доклад (РАН) Президенту Российской Федерации и

в Правительство Российской Федерации. О состоянии фундаментальной науки в Российской Федерации. Москва 2016